

ТИПОЛОГИЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛЮБВИ И СМЕРТИ В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. БУНИНА И Б.К. ЗАЙЦЕВА (к постановке проблемы)

THE TYPOLOGY OF THE IMAGE
OF LOVE AND DEATH IN THE CREATIVITY
OF I.A. BUNIN AND B.K. ZAYTSEV
(to the statement of the problem)

G. Klimova

Annotation

The article is devoted to the identification of the features of the image of love and death in the creativity of I.A. Bunin and B.K. Zaytsev and to the comparative studying of the essential similar lines. The author designates the problem on the example of two works: "Natali" (Bunin) and "Agrafena" (Zaytsev). The typological similarities in the writers' works are considered at different levels.

Keywords: I.A. Bunin, B.K. Zaytsev, typology, the Russian literature, the typological connection, the subject of love and death, the art system, realism, literary links.

Климова Галина Павловна

*Д.филол.н., профессор,
ФГБОУ ВО "Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина"*

Аннотация

Статья посвящена выявлению особенностей изображения любви и смерти в творчестве И.А. Бунина и Б.К. Зайцева и сравнительному изучению существенных сходных черт. Автор обозначает проблему на примере двух произведений: "Натали" (Бунин) и "Аграфена" (Зайцев). Типологические схождения в творчестве писателей рассматриваются на разных уровнях.

Ключевые слова:

И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, типология, русская литература, типологическая связь, тема любви и смерти, художественная система, реализм, литературные связи.

Типологическими "схождениями" В. Жирмунский называл объективные связи между различными литературными явлениями, в том числе между произведениями и стилями писателей. Они определялись "родственными или аналогическими условиями общественной или идеологической действительности, независимо от сознания этой связи самими писателями" [5]. Под типологией понимается выявление особенностей изображения любви и смерти в творчестве И.А. Бунина и Б.К. Зайцева и сравнительное изучение существенных сходных черт. При этом определённые различия не могут повлиять на главные общие признаки.

Исследователи творчества И.А. Бунина давно отметили, что тема любви и смерти всегда волновала писателя. При этом он сам отмечал, что жизнь дана на борьбу со смертью, а любовь её побеждает. К сожалению, исследованию такой же проблемы у Б. Зайцева посвящено слишком мало работ. Поэтому представляется весьма интересным её изучение на современном этапе. Предметом анализа могут стать рассказы обоих писателей с такой тематикой. У Бунина их достаточно много, у Зайцева меньше.

Творчество И.А. Бунина и Б.К. Зайцева сравнивать не принято по причине несходства характеров, судеб и твор-

чества. Если Иван Алексеевич и сам подчёркивал свою "ядовитость", то Бориса Константиновича называли образцом "...доброты, простоты, честности, скромности, благородства" (А. Белый). Но современники обоих писателей подчёркивали их принципиальность и правдивость. Близость литературных позиций сказалась и в отношении к А.П. Чехову, который для них всегда оставался кумиром. И всё же бунинская страстность существенно отличалась от зайцевской религиозности. Это, несомненно, отразилось в творчестве. Главным различием между ними было то, что Бунин, стремясь отразить правду жизни, показывал и тёмные, и светлые её стороны, как жестокую силу любви, так и возвышающую. У Зайцева есть произведения, в которых это тоже отражено. Но почти везде он стремится привести своих героев к христианскому всепрощению. Наиболее характерным является рассказ "Смерть", героиня которого прощает мужа, имевшего любовницу и дочь, и умирает сама. Здесь почти нет изображения самой любви, но лаконично говорится о смерти: "Утром он умер" [4, с. 133], "Через неделю она умерла" [4, с. 136].

Бунинские герои чаще умирают, так и не успев простить своих возлюбленных, иногда любовь заканчивается самоубийством, нежность и жалость всегда оказываются сильнее смерти.

Из всего множества рассказов обоих писателей избраны два наиболее характерных произведения: "Натали" (Бунин) и "Аграфена" (Зайцев). В силу того, что типология предполагает независимость осознания связи самими писателями, нет необходимости сравнивать обстоятельства создания этих новелл. Но следует отметить, что бунинский рассказ написан в 1941 году, а зайцевский – в 1908. Однако события, изображённые в бунинском произведении ("выдуманные"), относятся по многим признакам к тому времени, когда они происходили и описывались в зайцевском рассказе. Эмиграция как бы остановила время, и Бунин очень часто обращается к прошлому, к концу XIX – началу XX века. Кроме того, имеются и другие, сходные даже внешне, признаки: оба произведения названы по имени героинь; в них показана вся их жизнь (от первой любви до смерти); они одинаковы по объёму и разделены на главы. Различия тоже есть: разная социальная среда, изменение акцентов, индивидуальность стиля, заданность интонации, различные повествователи.

И всё же Бунин и Зайцев выражают тот общий тип мирозерцания, который характерен для русской литературы и определяется контекстом христианской культуры. Если у первого он является глубоко постоянным, то у второго выступает явственно, что не меняет утверждаемой истины: настоящая любовь чиста, свята, она сильнее страсти и побеждает смерть. Кризисное время рождает необходимость утверждения добра (революция 1905 года, негативное отношение интеллигенции к религии в этот период, война с Германией 30–40-х годов). Поэтому обращение к любви, побеждающей как страсть, так и смерть, становится тем живительным источником, который питает человека и человечество.

Художественное значение рассказов определяется по-разному. Лирическая новелла Бунина ещё в 1945 году включена в Америке в антологию мировой литературы. Рассказ Зайцева (как и всё творчество) известен гораздо меньше. Однако для исследования типологии изображения любви и смерти их сравнение является возможным.

О рассказе "Натали" И.А. Бунин писал как о произведении выдуманном: "Мне как-то пришло в голову: вот Го-голь выдумал Чичикова, который ездит и скупает "мёртвые души", и так не выдумать ли мне молодого человека, который поехал на поиски любовных приключений? И сперва я думал, что это будет ряд довольно забавных историй. А вышло совсем, совсем другое.

Молодой герой моего рассказа сперва заезжает, – ненадолго, – в имение своего родного дяди, улана Черкасского, для которого я взял старика улана Муромцева, который слыл под кличкой "раздражённый улан", между тем как улан Черкасский был добрый человек, только

такой же большой ростом и всем складом, как улан Муромцев. Я поместил его имение в речной долине, подобной той, в которой расположено имение брата улана" [2, т. 9, с.373]. Позднее в дневнике писатель подчёркивал: "И опять, опять никто не хочет верить, что в ней всё от слова и до слова выдуманно, как и во всех почти моих рассказах, и прежних, и теперешних" [6, т. 3, с.141].

Характерной чертой отношения Бунина к творчеству было стремление доказать, что он всегда всё выдумывал. Однако многолетние фольклорно-краеведческие экспедиции в бунинские места помогли выявить достоверность событий, прототипы его произведений. И в "Натали" есть невыдуманные места, указанные самим автором: внешность Черкасского, восходящая к реальному А.А. Муромцеву, описание его имения (в селе Предтечево Измаковского района Липецкой области – бывшего Елецкого уезда Орловской губернии). Реальна некоторая часть отношений с Соней (прототипом которой послужила двоюродная сестра писателя Софья Николаевна Пушешникова, урождённая Бунина). Бал в Воронеже тоже напоминает о посещении этого города Буниным в 1907 году. Но главным в рассказе является не это, а стремление показать две разные любви и утвердить победу чистой, возвышенной любви над плотской. Герой дивится и ужасается: "...за что так наказал меня Бог, за что дал сразу две любви, такие разные и такие страстные, такую мучительную красоту обожания Натали и такое телесное упоение Соней" [1, т. 5, с.380]. При этом Бунин позднее писал о традиционности такого явления, указав на роман "Идиот" Ф.М. Достоевского (князь Мышкин, Аглия и Настасья Филипповна) и рассказ Л.Н. Толстого "Дьявол" (Иртнев – Лиза и Степанида). По сути, об этом писал и Б. Зайцев в рассказе "Аграфена" ("он", студент-дворянин и кучер Петька, потом братец). У Бунина упоминание о Боге совсем не является случайным, но, как и всё самое дорогое, он скрывает это, прячет в глубине души и в тексте произведения. Причём и духовная, и телесная любовь являются в рассказе страстными, но совершенно разными.

У Мещерского кроме Сони после внешней утраты Натали возникает связь с "крестьянской сиротой Гашей" [1, т. 5, с. 392], которая после рождения сына готова утопиться, если он влюбится в кого-то. Самоубийства не происходит, но сама угроза не позволяет герою впоследствии сделать явной свою любовь к Натали, которая, в свою очередь, не может преступить нравственные (восходящие к Богу) законы и обнародовать их отношения. Б. Зайцев вводит в свой рассказ мотив самоубийства Анюты: "там подойдя ты бросилась в светлую водную глубину. Она приняла тебя, и ты погибла" [3, с. 7]. Бунин и Зайцев не приемлют самоубийства, к сожалению, не так уж редким, оба хотят предостеречь читателя. Бунинские герои и героини гибнут столь нелепо, что очевидной становится бессмысленность такой смерти, которая всегда есть гибель любви, путь Аграфены соответствует его мировоз-

зрению и, завершаясь смертью, утверждает победу над бранным: "Господи, Господи, ты явился мне, ты всё у меня взял, вот я нищая перед тобой, но я познала Тебя в великой Твоей силе. Господи, я вижу Твою славу, Господи, возьми меня, я твоя, я тебя люблю" [3, с. 46–47]. И здесь обнаруживается та объективная типологическая связь, которая выражена, с одной стороны, победой любви над смертью ("Хотя разве бывает несчастная любовь?" [1, т. 5, с. 39]; "И ты правду сказала: нет несчастно любви" – [1, т. 5, с. 396]); с другой стороны, без Бога, без утверждения в жизни его нравственных заповедей любовь невозможна, и смерть становится избавлением от мук ("Вот идёт та, которую называли бедным именем Аграфены, вкусить причастие вечной жизни" [3, с. 47].

Типологическое сходство как рассказов, так и изображения любви и смерти выявляется на разных уровнях. Герой "Натали" Мещерский "впервые надел картуз" [1, т. 5, с. 371], в "Аграфене" "он" – "в синей студенческой фуражке" [3, с. 22]. Но если безымянный студент из зайцевского рассказа "покинул те края, не возвращался больше и пребыл таинственным посетителем, пришедшим в жизнь Аграфены на её ранней заре, чтобы растаять синеватым туманом, оставив за собой любовь, томление, тихие восторги и несколько не слишком щедрых поцелуев" [3, с. 25], то у бунинского героя в его юной, чистой любви не было даже

поцелуев (автор вводил поцелуй в раннюю редакцию и убрал во всех поздних). Далее при внешне различных путях героинь происходит некое возвращение в пространство и время прошлого. В "Натали" об этом говорит герой: "В ту страшную ночь с молниями я любил уже только тебя одну, никакой другой страсти, кроме самой восторженной и чистой страсти к тебе во мне уже не было" [1, т. 5, с. 395]. В "Аграфене" через "плотскую, тёмную, непонятную любовь" [3, с. 35] героиня, возвращаясь в места своей юности, слышит зов "из дней далёких, прекрасных" [3, с. 40], где когда-то она любила "загадочно и обольстительно" [3, с. 44]. Любовь и смерть дочери приводят Аграфену к таинственным прообразами "любви единой и вечной" [3, с. 46]. Бунин не говорит об этом так прямо, потому что для его творчества вообще не характерно открытое утверждение каких-то истин, к ним читатель должен прийти сам. Но подтекст очевиден: "Потом ты со свечой в руке, твой траур и твоя *непорочность* (выделено мной – Г.К.) в нём. Мне казалось, что *святость* (выделено мной – Г.К.) стала та свеча у твоего лица" [1, т. 5, с. 396].

Таким образом, при изображении любви и смерти Бунин и Зайцев утверждают победу чистого, непорочного чувства над физической гибелью. Святость и непорочность либо живут в человеке (Натали), либо возрождаются после потерь и страданий (Аграфена).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И.А. Собр. Соч. В 6 т. – М.: "Художественная литература", 1988.
2. Бунин И.А. Собр. Соч. В 9 т. – М.: "Художественная литература", 1965 – 1967.
3. Зайцев Б.К. Люди Божии. – М.: "Советская Россия", 1991. – 432 с.
4. Зайцев Б.К. Смерть // Русская новелла начала XX в. – М.: "Советская Россия", 1990. – 89 с.
5. Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Словарь литературоведческих терминов – М.: "Просвещение", 1974. – 509 с.
6. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича м Веры Николаевны и другие архивные материалы, под редакцией Милицы Грин. В 3 т. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1982.

© Г.П. Климова, (klimova_galina49@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

